

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.010

УДК 325.2:94(470+571)"15/18"

ББК 63.3(2)-362

Д.В. ЛАРКОВИЧ

**«НАШИМИ УСТАМИ ГОВОРИТ РУСЬ
НАРОЖДАЮЩАЯСЯ»: СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ДО «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»**

D.V. LARKOVICH

**«NASCENT RUSSIA SPEAKS THROUGH OUR
LIPS»: PAGES OF THE HISTORY OF RUSSIAN
EMIGRATION BEFORE THE «FIRST WAVE»**

Статья представляет собой очерк истории русской эмиграции XVI-XIX веков и содержит информацию о наиболее ярких и репрезентативных эпизодах этого процесса, которые связаны с судьбами ряда общественных и политических деятелей, по разным причинам покинувшим пределы Отечества (А.М. Курбский, Г.К. Котошихин, А.А. Вinius, Н.И. Тургенев, И.Г. Головин, А.И. Герцен и др.). Отмечается, что с проблемой массовой эмиграции Россия столкнулась в середине XIX века, что было вызвано причинами стремительного роста идеологического инакомыслия в среде русской аристократии. Центрами русской эмиграции в Европе становятся Париж, Лондон и Женева, где складываются особые «группы» (трудовая, религиозная, еврейская, политическая), оппозиционно настроенные по отношению к российской официальной власти. Оказавшись за рубежом, многие русские эмигранты предпринимали культурно-просветительские инициативы, направленные на изменение ситуации в России и на укрепление её международных связей.

The article is an essay on the history of Russian emigration of the XVI-XIX centuries and contains the information about the most vivid and representative episodes of this process, which are associated with the fate of a number of public and political figures who left the Fatherland for various reasons (A.M. Kurbsky, G.K. Kotoshikhin, A.A. Vinius, N.I. Turgenev, I.G. Golovin, A.I. Herzen, etc.). It is noted that Russia faced the problem of mass emigration in the middle of the XIX century, which was caused by the reasons for the rapid growth of ideological dissension among the Russian aristocracy. Paris, London and Geneva, where special groups (labor, religious, Jewish, political) oppositional to the Russian official authorities are forming, are becoming the centers of Russian emigration in Europe. Once abroad, many Russian emigrants undertook cultural and educational initiatives aimed at changing the situation in Russia and strengthening its international relations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмиграция, русское зарубежье, политическое инакомыслие, А.И. Герцен, Вольная русская типография, международные связи

KEY WORDS: emigration, Russian abroad, political dissension, A.I. Herzen, Free Russian Printing House, international relations.

ВВЕДЕНИЕ. Эмиграция как социокультурный и общественно-политический феномен, хорошо известный Европе ещё со времён Овидия и являющийся следствием процессов идеологической плюрализации и личностной эмансипации, начинает складываться в России на рубеже XV-XVI столетий и существенно активизируется в период государственной централизации [1, с. 165]. В числе беженцев, которые, опасаясь преследований официальных властей и физической расправы за инакомыслие, во второй половине XVI века по-

кинули пределы Отечества и обрели пристанище в Литве, были группа московских и новгородских еретиков (т.н. жидовствующих), военачальники А. Курбский, Д. Вишневецкий, А. и Г. Черкасские, печатники И. Фёдоров, П. Мстиславец и др. Разумеется, любой случай самостоятельного перемещения подданного российской короны на территорию враждебного государства в условиях военного времени квалифицировался как предательство Отечества и веры. Однако, по справке Р.Г. Скрынникова, участники процесса добровольной эмиграции в этот период исчислялись несколькими десятками [13, с. 21].

ЦЕЛЬ настоящей статьи — выявить факторы ситуативной и логической взаимосвязи процессов эмиграционной активности населения России и ключевых ориентиров внутренней политики российского самодержавия в исторической перспективе XVI–XIX столетий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Особое внимание в статье сфокусировано на «живых» документальных свидетельствах, оставленных непосредственными участниками этих процессов в различных письменных жанрах (делового и частного эпистолярного, записок, мемуарных заметок, исторических сочинений, публицистических статей и др.), что и составляет основной корпус материалов настоящего исследования. Аналитический комментарий данных источников позволяет характеризовать эмиграционную динамику в России данного периода как своего рода индикатор уровня гражданского и личностного самосознания общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Так, ярким историческим документом, объясняющим причины вынужденного отъезда образованных людей из России, является переписка юрьевского воеводы кн. А.М. Курбского с Иоанном Грозным, которая охватывает период 1564–1579 гг. и во многом соответствует канонам дипломатического эпистолярного жанра того времени. Примечательно то, что в основе многолетней полемики, развернувшейся между царём и его бывшим вельможей, преобладают вопросы идеологического и этического характера. Обвиняя царя в неоправданной жестокости по отношению к верным слугам, укрепившим и расширившим его власть на полях сражений, Курбский, цитирует текст Священного Писания и призывает его «уподобиться ... людям, живущим по естественным законам» [12, с. 175]. Комментируя эти строки, Я.С. Лурье отмечает: «Именно в Польско-Литовском государстве, пребывающем, по его выражению, “издавна под свободами христианских королей”, Курбский пришёл к важной для него мысли о существовании “свободного естества человеческого” и “естественного закона”, по которому должны жить люди. С позиций этого “закона” он осуждал такие явления русской жизни XVI в., как насильственное крестоцелование, препятствующее свободному “отъезду”, и казни “без суда” по наветам “ласкателей”» [12, с. 234–235]. Вступая в переписку со своим венецианским адресатом, Курбский всячески даёт понять, что руководствуется он не столько личной обидой за клеймо изменника и участь вынужденного изгнанника, сколько стремится выразить озабоченность за судьбу Отечества, страдающего под властью самодержца, что «бесчинствует против Господа своего» [12, с. 177]. В своих посланиях опальный воевода призывает своего оппонента вспомнить об обязанностях правителя России как носителя «изрушившейся» в остальном мире истинной веры, т.е. главного оплота православия.

В XVII веке русская эмиграция носила по преимуществу частный характер и была обусловлена постепенно формирующимся интересом к западной культуре и европейским ценностям. Несмотря на то, что Соборное уложение 1649 года выезд за рубеж без проезжей грамоты квалифицировало как преступление против государства и, в зависимости от цели самовольного пересечения границы, предусматривало наказания различной степени тяжести («... да будет про него в сыску скажут, что он впрям ездил в чужое государство бес проезжие грамоты для измены или для иного какова лихого дела и того по сыску за измену казнити смертию») [14, с. 23], случаи несанкционированной перемены места жительства не были единичными.

Показательным в этом смысле является эпизод из истории ранней русской эмиграции, связанный с историей подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина, который

в 1664 году бежал в Польшу, опасаясь разоблачения в тайных контактах с шведским правительством и передаче секретной информации в пользу государства, находившегося в состоянии политической конфронтации с Россией. Оказавшись за рубежом в статусе «государева изменника», Котошихин давал консультации по вопросам обороноспособности Московского царства, принял протестантизм и под именем Иоганна Александра Селецкого через Пруссию и Любек добрался до Стокгольма, где в 1667 году по приговору суда был обезглавлен за убийство своего домохозяина [10, с. 6–50]. Но интерес вызывают не столько авантюрные факты биографии русского беженца, сколько результаты его недолгого пребывания за рубежом: по заказу шведского канцлера гр. М.Г. Делагарди Котошихин написал историческое сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича», вскоре получившее известность в европейских образованных кругах и изданное в России лишь в XIX веке. Этот объёмный труд, состоящий из 13 глав, является ценным свидетельством уклада Московской государственности середины XVII столетия и включает в себя подробное описание разных аспектов жизни российского двора, служилой иерархии, дипломатического этикета, состояния торгового и военного сословий. Будучи хорошо осведомлённым в вопросах придворного обихода, Котошихин приводит исключительно подробные сведения, важные для изучения государственной и общественной жизни допетровской Руси. Так, например, характеризуя деятельность послов в разных зарубежных странах, он приводит точные суммы «даров» для высших лиц этих стран, косвенно отражающих шкалу приоритетов внешней политики России: «К Цесарскому величеству с посланники посылаются поминков на 1000 рублей; да на роздачу от царских дел на 300 и на 400 рублей и болши, соболями, сороками и парами. К королевскому величеству Свейскому, с великими послы, на 2000 рублей; да на роздачу от дел на 1000 рублей. К Полскому королю, с великими послы, на 3000 и на 5000 рублей; да на роздачу от дел на 2000 рублей. К Аглинскому королю преж того посылавано против Полского короля, на 3000 ж рублей; да от дел против того вполы» [6, с. 61].

На эпоху правления Алексея Михайловича приходится ещё одна драматическая страница в истории русской эмиграции, связанная с реформой Патриарха Никона и последовавшего за ней расколом в Русской Православной Церкви. Как известно, на Московском соборе 1656 года противники реформы, не пожелавшие подчиниться новой концепции богослужения, были объявлены еретиками и преданы анафеме, после чего на них начались массовые гонения. Воспринявшие церковную реформу в эсхатологическом ракурсе — как знак «пришествия Антихриста» — раскольники продемонстрировали решительную бескомпромиссность. Более 20 тысяч человек добровольно избрали самосожжение как крайнюю форму отрицания мира, в котором воцарился Враг человечества. Многие из них предпочли оставить родные места и отправились искать уединения на малообжитых пространствах Урала, Сибири, Поморья и Дона. Часть раскольников отправилась за границу. По словам В.М. Соловьёва, старообрядцы «покидали родину в одиночку, группами, и их большие коллективы становились ядром целых русских поселений в разных странах» [15, с. 64]. Зарубежными государствами, в которых произошло компактное расселение старообрядцев, были Речь Посполитая, Швеция, Пруссия, регионы Балканского полуострова, подвластные Османской империи. Потомки тех переселенцев, что покинули пределы России по религиозным соображениям в конце XVII века, проживают на этих территориях и по сей день.

На фоне достаточно активных миграционных процессов XVIII столетия, связанных с промышленным развитием Урала, освоением Сибири и Дальнего Востока, российская эмиграция в этот период не имела массового характера. Напротив, можно говорить о том, что на протяжении всего XVIII века сама Россия выступает в роли страны-реципиента, куда активно устремляются поданные зарубежных государств в поисках лучшей доли и высоких доходов. 16 апреля 1702 года Пётр I подписывает манифест «О вызове иностранцев в Рос-

сию, с обещанием им свободы вероисповедания», который открывал широкие возможности для профессиональной и творческой самореализации иностранных граждан. Позже именным указом от 28 февраля 1722 года Пётр регламентировал условия, при которых «предпочтение отдавалось иностранцам, оставшимся пожизненно» [7, с. 79]. В результате Россия как страна больших возможностей оказалась привлекательной для десятков тысяч прибывших из Европы военных, мастеровых, учёных, деятелей искусства, многие из которых со временем приняли российское гражданство, укоренились и «обрусели», тем самым способствуя общим процессам русско-европейского культурного диалога. Помимо этого, в последнее десятилетие XVIII века Российская империя на некоторое время становится одним из центров политической эмиграции, куда прибывают сторонники королевской власти, свергнутой деятелями Великой французской революции.

Случаи же выезда россиян за рубеж (не считая зарубежных командировок для обучения и по служебной надобности) относительно немногочисленны, бессистемны и, как правило, ситуативны. Весьма показательна в этом отношении судьба царевича Алексея Петровича, вступившего в конфликт с венценосным отцом и в 1716–1717 гг. и скрывавшегося от его гнева в Польше, Австрии и Италии, а впоследствии обманом доставленного в Россию и по приговору суда казнённого за предательство.

Не менее показательна и история чиновника Посольского приказа А.А. Виниуса, канцлера и приближённого Петра I, который был обвинён в хищениях и в 1706 году был вынужден бежать в Голландию, опасаясь расправы. Однако, тяготясь пребыванием на чужбине, уже два года спустя он обратился с письмом к императору, добился его прощения и благополучно вернулся на родину. Особого внимания заслуживает форма письменного обращения опального вельможи к государю. Это не просто покаянная записка провинившегося чиновника, а полновесный литературно-политический памфлет, изобличающий пороки приказной системы. Перечисляя свои былые заслуги перед Отечеством, Виниус даёт развёрнутую характеристику эпохи петровских преобразований и с горечью указывает на факторы, им препятствующие, например: «...на лежащее твое слово на обычаях и нравах благих, обретох вящую часть русского христианского народа, людеи в глубоко глубости и введети паче ж пианства, еже не точию, но ни бусурманам трезвым ни же — в слепоте идолослужения живущим, языкам не бе прилично, в котором не точию мирския, но и духовнаго чина человецы иередиаконы, церковнии и самыя монахи, упившиися, по прохожим улицам и стогнам градским во смадных (“смадных”) своих блевостинах (“блевотинах”) воляющесе, во срам и поношение имяни христианского, пред бусурманы, язычными идолослужители, лежах» [цит. по: 11, с. 253]. По всей видимости, принимая решение о прощении, Пётр принял во внимание не только былые заслуги своего верного сподвижника, но и его эпистолярный талант.

Гораздо более драматична судьба российского дипломата А.П. Веселовского, сподвижника Петра, который в 1716 году возглавлял поиски скрывавшегося на землях Габсбургов царевича Алексея Петровича, но попал в список лиц, якобы причастных к его замыслам по захвату власти. Скрываясь от преследований, он жил в Германии, затем в Англии, а, не получив британского подданства, перебрался в Женеву, где и вынужден был оставаться до самой смерти.

Кроме того, XVIII век отмечен случаями т.н. непреднамеренной эмиграции, к числу которой относится бегство крепостных крестьян от гнёта жестоких помещиков. В этой связи К.А. Мазин отмечает: «Эмиграция беглых крепостных была чаще всего неосознанной — случай прокладывал маршрут беглеца через границу ... Здесь мы имеем дело, скорее всего, со своеобразным видом крепостной эмиграции, близкой по своей сущности к сословно политической разновидности оставления родины. Но хотя она была спонтанной и случайной, её масштабы достигали значительных размеров: по данным Военной колле-

гии только за октябрь 1765 года российские воинские части вывели с территории Польши 10 198 беглых крепостных» [9, с. 56].

По-настоящему массовый характер русская эмиграция приобретает в XIX столетии, которое ознаменовано стремительным ростом либеральных идей в кругах образованного дворянства. Благоприятная среда для их зарождения сформировалась в начальный период правления проевропейски настроенного императора Александра I и получила действенный импульс к развитию в результате победы российской армии в войне с Наполеоном. Говоря словами Ю.М. Лотмана, «война 1812 года дала целому поколению русской дворянской молодежи тот жизненный опыт, который привел мечтательных патриотов начала XIX века на Сенатскую площадь» [8, с. 314]. Как известно, несовершенство форм российской государственности, тормозивших процесс формирования гражданского общества, на фоне развитой политической и социально-экономической системы ведущих европейских стран породило недовольство среди либерально настроенного дворянства и привело к созданию тайных обществ («Орден русских рыцарей», «Союз спасения», «Союз благоденствия», «Южное общество», «Северное общество» и др.). Многие из тех, кто входил в состав этих организаций (М.Ф. Орлов, М.С. Лунин, В.К. Кюхельбекер и др.), бывали за границей, имели контакты с представителями зарубежной либеральной мысли, активно интересовались новостями европейской общественной жизни. После подавления восстания 25 декабря 1825 года некоторые декабристы (М.С. Лунин, И.И. Пущин, С.Г. Волконский, Н.В. Басаргин, М.А. Фонвизин, И.А. Анненков) имели возможность покинуть Россию и избежать сурового наказания, однако отказались от неё и предпочли разделить участь своих товарищей. Известны случаи неудавшейся попытки выезда за рубеж (В.К. Кюхельбекер, И.И. Сухинов и Н.А. Бестужев и др.), кратно усилившей меру наказания «беглых политических преступников» [5, с. 6–7].

В связи с этим особый интерес представляет судьба члена общества «Союз благоденствия» Н.И. Тургенева, волею обстоятельств выехавшего за границу незадолго до восстания на Сенатской площади. Несмотря на попытку оправдаться перед императором Николаем I, решением Верховного уголовного суда от 10 июля 1826 года как «особо опасный государственный преступник» он был заочно приговорён к вечной ссылке в каторжные работы с лишением чинов и дворянского достоинства. Этот приговор вынудил Тургенева принять решение не возвращаться в Россию и принять на себя статус политического эмигранта. За годы жизни, проведённые в Англии, Франции и Швейцарии, он не прервал контакты с родиной: часто встречался с приезжавшими из России общественными деятелями (Н.В. Ханыковым, В.П. Боткиным, П.Л. Пикулиным, И.П. Галаховым, С.Д. Полторацким, М.А. Бакуниным, П.В. Анненковым, Н.И. Сазоновым и др.), вёл оживлённую переписку с П.Я. Чаадаевым и Ф.Н. Глинкой, увлечённо предавался научной и литературной деятельности. Сам Тургенев видел свою основную задачу в том, чтобы говорить России о Западе и Западу о России.

В 1847 году на французском и немецком языках в 3-х томах вышло его сочинение «Россия и русские», которое сразу же привлекло внимание широкой европейской общественности. Имея фундаментальные познания в области экономики и правоведения, Тургенев преследовал цель аргументированно доказать губительный характер крепостного права и обосновать необходимость кардинального преобразования государственного строя России. В этом он видел свой гражданский долг перед Отечеством, о чём сообщил читателям уже в предисловии к книге: «Моя книга предназначена преимущественно для русских, и опубликовал я её не ради удовлетворения тщеславия, а потому что считал это своим нравственным долгом ... Я утешаю себя надеждой, что мои мысли не останутся совсем без влияния для России. И если, несмотря на все старания, я не мог быть для неё полезным до моего изгнания, то пусть послужит ей для чего-нибудь хоть оно!» [17, с. 14–15]. Примечателен тот факт, что, критикуя существующий уклад российской государствен-

ности, автор предлагал конкретную программу его реформирования, которая включала освобождение крестьян, введение суда присяжных, уничтожение телесных наказаний, выборный принцип административного назначения, установление местного самоуправления, сословное равенство перед законом, свободу слова, печати и проч. По большому счёту, этот объёмный труд Тургенева был единственным сочинением николаевской эпохи, где русский политический либерализм манифестировал себя столь масштабно и убедительно. Не удивительно, что на заседании Комитета иностранной цензуры от 7 января 1848 г. книга была подвергнута запрету и впервые была издана (и то частично) в России лишь в 1907 году, а её полнотекстовый вариант в русском переводе появился лишь в 2001 году.

В последующие годы Тургенев опубликовал за рубежом ещё несколько работ («О суде присяжных и о судах полицейских в России», 1857; «Вопрос освобождения и вопрос управления крестьян», 1858; «О новом устройстве крестьян», 1861; «О разноплеменности населения в русском государстве», 1866; «О нравственном отношении России к Европе», 1869 и др.), в которых идеи его трёхтомного труда получили дальнейшее развитие в связи с меняющейся социально-политической и экономической ситуацией. Все они проникнуты пафосом прогрессивного реформирования и овеяны чувством деятельной заботы за судьбу своей Родины.

Не менее примечательна судьба и другого русского политическим эмигранта И.Г. Головина, который, будучи на дипломатической службе, написал и издал в 1843 году в Париже работу «*Esprit de l'économie politique*» («Дух политической экономии»), написанную в духе западноевропейского либерализма и воспринятую российскими властями как факт неблагонадёжности её автора. Получив предписание Третьего отделения Императорской канцелярии о немедленном возвращении на родину, Головин отказался исполнить его и демонстративно опубликовал исполненную духом критического пафоса работу «*La Russie sous Nicolas I*» (Россия при Николае I), за что, подобно Н.И. Тургеневу, заочно был приговорён к лишению дворянства и ссылке на каторгу в Сибирь. Получив в 1845 году британское гражданство, он продолжил свою публицистическую деятельность, сосредоточившись на вопросах политэкономии и русской истории.

Особую известность получил его проект по преобразованию российской политической системы, который был сформулирован в сочинении «Катехизис русского народа», анонимно изданном в Париже в 1849 году на русском языке по свежим впечатлениям революционных событий во Франции. Книга написана в форме сократического диалога между «Просвещающимся» и «Убеждённым», обмен репликами которых выражает суть авторской точки зрения на круг узловых проблем современной российской государственности. Выступая сторонником республиканской формы правления, Головин не только характеризует самодержавие как основную причину национального неблагополучия («первый враг России ее царь» [3, с. 216]), но и открыто провозглашает идею народовластия («Народ будет избирать законодателей, и они будут его представители; судей больших и малых, правителей, с низкого до высокого» [3, с. 213]). Основы будущего политического переустройства автор связывает утверждением конституционного строя, предполагающего в том числе отмену крепостного права, гарантию свободы слова и печати, всеобщее избирательное право, сословное равенство, реформирование армии и т.п. Достижение этой цели видится Головину исключительно революционным путём, и, подытоживая свои аргументы, автор устами «Убеждённого» резюмирует: русский царь «неисправим, запятнан кровью жертв, дурной же мир хуже доброй войны» [3, с. 225]. В начале 1850-х годов Головин отошёл от революционных идей, много путешествовал по миру, но и многие годы спустя Россия оставалась предметом его интенсивной публицистической деятельности.

Пожалуй, наиболее масштабный и значимый вклад в формирование русского зарубежья как особой культурной среды в XIX веке внёс А.И. Герцен. За два с небольшим десятилетия,

проведённых в эмиграции, он, говоря словами В.А. Туниманова, стал «связующим звеном, “мостом” между Европой и Россией, являлся полномочным представителем и главой свободной России на Западе» [16, с. 4]. Колоссальное по объёму и по содержанию литературное, философское и публицистическое наследие Герцена, созданное им за рубежом, всецело посвящено России, но оплодотворено и кардинально обусловлено тем жизненным, интеллектуальным и духовным опытом, который был приобретён им в Европе.

Размышляя о взаимоотношениях России и Европы, Герцен пришёл к выводу о том, что все попытки их противопоставления и отчуждения искусственны и непродуктивны. Он полагал, что несмотря на принципиальные различия в их истории и культуре, в современных условиях и Европа, и Россия стоят перед решением одного общего гуманитарного вопроса, принципиально сближающего сферы их культурных интересов: «Европа не разрешила противоречия между личностью и государством, но она все же поставила этот вопрос. Россия подходит к проблеме с противоположной стороны, но и она её не решила. С появления перед нами этого вопроса и начинается наше равенство» [2, т. VII, с. 243]. Герцен был убеждён в существовании объективной взаимной потребности друг в друге, вызванной тем, что со времён античности Европой уже накоплен богатый опыт цивилизационного развития, в то время как Россия — «государство совершенно новое, неконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работает и вырабатывается» [2, т. VII, с. 318–319] — может стать благоприятной почвой для приложения и развития этого опыта, а потому «будущее России зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы» [2, т. VII, с. 334]. Более того, предвосхищая идеи евразийства, Герцен видит историческую миссию России как посредника, связующего звена между Западом и Востоком: «На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд Азии — страной европейской; эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией» [2, т. VII, с. 156].

Деятельность Вольной русской типографии, которую Герцен в 1853 году основал в Лондоне (с 1856 года руководил совместно с Н.П. Огарёвым), безо всякого преувеличения следует квалифицировать как акт гражданского подвижничества, благодаря которому к русскому и европейскому читателю пришли запрещённые российской цензурой стихотворения А.С. Пушкина, К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, М.Ю. Лермонтова, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, мемуары русских политических деятелей, записки незадолго до этого вернувшихся из ссылки декабристов и т.п. А издаваемая в типографии общественно-политическая газета «Колокол» явила не только России, но и всему миру пример подлинно либерального издания, которое неукоснительно следовало принципу свободы слова, предоставляя свою печатную трибуну представителям различных, нередко идеологически противоположных точек зрения, далеко не всегда совпадающих с мнением редакции. Например, в номере от 1 марта 1860 г. Герцен публикует «Письмо из провинции», присланное в редакцию Колокола за подписью «Русский человек», в котором содержатся упрёки издателю в идеологической непоследовательности и радикальные призывы «к топору». Предваряя этот материал «Предисловием от редакции», Герцен вступает в диалог со своим анонимным корреспондентом и отмечает: «Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах; не в началах, а в образе действия. Вы представляете одно из крайних выражений нашего направления; ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу; у нас негодование так же молодо, как у вас, и любовь к народу русскому так же жива теперь, как в юношеские лета. Но к топору, к этому *ultima ratio* притесненных, мы звать не будем до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора» [2, т. XIV, с. 239].

Заслуга Герцена и в том, что он одним из первых предпринимает попытку осмысления феномена русской эмиграции. Так, в главе «Молодая эмиграция» мемуарной хроники «Бы-

лое и думы» он рисует не лишённый иронии портрет поколения молодых революционеров, уехавших из России в середине 1860-х гг.: «Люди эти, очень молодые, покончили с идеями, с образованием; теоретические вопросы их не занимали отчасти оттого, что они у них еще не возникали, отчасти оттого, что у них дело шло о приложении. Они были побиты материально, но дали доказательства своей отваги. Свернувши знамя, им приходилось хранить его честь ... В некоторых случаях они были отвлеченно правы, но сложного и запутанного процесса уравнивания идеала с существующим они не брали в расчет и, само собой разумеется, свои мнения и воззрения принимали за воззрения и мнения целой России» [2, т. VII, с. 341]. Характеризуя тип эмигранта нового поколения, Герцен невольно зафиксировал очередной этап в развитии общего процесса развития русского зарубежья.

Действительно, с проблемой массовой эмиграции Россия в полной мере столкнулась во второй половине XIX — начале XX вв., что было вызвано причинами экономического спада, роста этноконфессионального самосознания и широкого распространения революционных настроений в среде русской интеллигенции. О стремительном увеличении потока трудовой, религиозной и политической эмиграции свидетельствуют статистические данные: если в период 1828–1859 гг. из России выехало 33 314 человек, а с 1860 по 1890 гг. это число составляло уже 1 128 563 человек, то за промежуток с 1890 по 1915 гг. оно достигло 3 347 618 человек [18]. Трудовая и религиозная эмиграция устремилась преимущественно в США, Канаду, страны Восточной Азии и Южной Америки, политическая — предпочла Европу.

Центрами русской эмиграции в Европе становятся Париж, Лондон, Баден-Баден и Женева, где складываются особые, хорошо организованные группы, крайне оппозиционно настроенные по отношению к официальной российской власти и готовые к самым решительным действиям. Как правило, эти группы имели определённую партийную принадлежность («Земля и воля», «Чёрный передел», «Освобождение труда», РСДРП и др.) и чёткую программу действий. Основная задача их деятельности была связана с разработкой теоретической базы грядущей русской революции и пропагандой революционной идеологии, которая осуществлялась средствами периодической печати. Известно, что в период с 1855 по 1917 гг. только в Европе русские политические эмигранты издавали 287 газет и журналов [18], которые нелегально переправлялись в Россию и служили действенным средством трансляции оппозиционных идей. Наиболее заметное влияние на развитие революционных идей в России оказали издававшиеся за рубежом «Набат» (Женева — Лондон), «Искра» (Лейпциг — Мюнхен — Лондон — Женева), «Вперёд» (Женева), «Пролетарий» (Женева), «Рабочая газета» (Париж) и др. Примечательно то, что в большинстве своём русские революционеры рассматривали эмиграцию как временное и вынужденное состояние, поэтому выезжали на 1–2 года в надежде вернуться и продолжить борьбу на родине. Характеризуя содержание и масштаб инициатив русской политической эмиграции этого периода, нельзя не согласиться со справедливым заявлением В.Я. Гросула: «Самое мощное революционное движение на земном шаре дало и самую сильную революционную эмиграцию» [4, с. 67].

ВЫВОДЫ. Подводя итог сказанному, следует отметить, что феномен русского зарубежья формировался и развивался в соответствии с этическими и гражданскими приоритетами национальной традиции. Вынужденно оказавшись за рубежом, русские эмигранты, как правило, вступали в конфликт с властью, но не с самим Отечеством, стремясь сохранить с ним ментальную связь и глубоко переживая за его судьбу с учётом личного жизненного опыта. Движимые чувством искреннего патриотизма, многие из них предпринимали культурно-просветительские инициативы, направленные на изменение ситуации в России и на укрепление её международных связей. Именно по этому пути впоследствии пошли представители трёх волн русской эмиграции в XX столетии, которые с полным основанием могли бы повторить слова А.И. Герцена: «Нашими устами говорит Русь нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная в изгнании ... Русь, о которой

мы свидетельствуем миру и для гласности которой мы оторвались от родины» [2, т. XII, с. 203]. К сожалению, далеко не всегда этим инициативам суждено было достигнуть желаемого результата, но эта тема выходит за хронологические рамки данной статьи и должна быть предметом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России. 1999. № 4. С. 163–174.
2. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966.
3. Головин И.Г. Катехизис русского народа И.Г. Головина, 1849 года // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. М. — Л.: Academia, 1932. Вып. 1. С. 203–225.
4. Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. 405 с.
5. Гросул В.Я. Декабристы и эмиграция // Отечественная история. 2006. № 6. С. 3–19.
6. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1884. 196 с.
7. Куприянова О.И. Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // Вест. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2008. № 5. С. 78–90.
8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ., 1994. 399 с.
9. Мазин К.А. Особенности русской эмиграции XVIII столетия // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 51–57.
10. Маркевич А.И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. Одесса: Тип. Штаба Округа, 1895. 181 с.
11. Милюков С.Г. Неизвестное послание А.А. Вениуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 240–280.
12. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским; [Коммент. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 431 с.
13. Скрынников Р.Г. Иван Грозный и его время. М.: Знание, 1991. 63 с.
14. Соборное уложение 1649 года. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.
15. Соловьёв В.М. К вопросу о периодизации истории русского зарубежья // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (18). С. 61–65.
16. Туниманов В.А. А.И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. 215 с.
17. Тургенев Н.И. Россия и русские. Первое русское издание. М.: Тип. русского товарищества, 1907. Т. 1. 148 с.
18. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окорочков. М.: Попечительство о нуждах рос. репатриантов, 2001. 485 с. URL: <http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/book-1.2.1.html> (дата обращения 20.04.2023).

REFERENCES

1. Axiezer A.S. *E'migraciya kak indikator sostoyaniya rossijskogo obshhestva* [Emigration as an indicator of the state of Russian society] // Mir Rossii. 1999. № 4. S. 163–174. (In Russian).
2. Gercen A.I. *Sobranie sochinenij v 30 tt.* [Collected works in 30 volumes]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954–1966. (In Russian).
3. Golovin I.G. *Katexizis russkogo naroda I.G. Golovina, 1849 goda* [Catechism of the Russian people by I.G. Golovin, 1849] // Zven'ya. Sborniki materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstvu i obshhestvennoj my'sli XIX veka. M. — L.: Academia, 1932. Vy`p. 1. S. 203–225. (In Russian).

4. Grosul V. Ya. *Mezhdunarodny'e svyazi rossijskoj politicheskoy e'migracii vo 2-j polovine XIX veka* [International relations of Russian political emigration in the 2nd half of the 19th century]. M.: ROSSPE'N, 2001. 405 s. (In Russian).
5. Grosul V. Ya. *Dekabristy' i e'migraciya* [Decembrists and emigration] // *Otechestvennaya istoriya*. 2006. № 6. S. 3–19. (In Russian).
6. Kotoshixin G.K. *O Rossii v czarstvovanie Aleksey Mixajlovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. SPb.: Izd. Arxeogr. komis., 1884. 196 s. (In Russian).
7. Kupriyanova O.I. *Inostrancy na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v XVIII v.: pravovoj status* [Foreigners in public service in Russia in the 18th century: legal status] // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 11. Pravo*. 2008. № 5. S. 78–90. (In Russian).
8. Lotman Yu. M. *Besedy' o russkoj kul'ture: By't i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century)]. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1994. 399 s. (In Russian).
9. Mazin K.A. *Osobennosti russkoj e'migracii XVIII stoletiya* [Features of the Russian emigration of the XVIII century] // *Vestnik associacii vuzov turizma i servisa*. 2009. № 3. S. 51–57. (In Russian).
10. Markevich A.I. *Grigorij Karpovich Kotoshixin i ego sochinenie o Moskovskom gosudarstve v polovine XVII veka* [Grigory Karpovich Kotoshikhin and his essay on the Muscovite state in the middle of the 17th century]. Odessa: Tip. Shtaba Okruga, 1895. 181 s. (In Russian).
11. Milyukov S.G. *Neizvestnoe poslanie A.A. Viniusa k Petru Pervomu* [Unknown message of A.A. Vinus to Peter the Great] // *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost'*. Vy'p. 10. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. S. 240–280. (In Russian).
12. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. 431 s. (In Russian).
13. Skry'nnikov R.G. *Ivan Grozny'j i ego vremya* [Ivan the Terrible and his time]. M.: Znanie, 1991. 63 s. (In Russian).
14. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Cathedral Code of 1649]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1987. 448 s. (In Russian).
15. Solov'yov V.M. *K voprosu o periodizacii istorii russkogo zarubezh'ya* [To the question of periodization of the history of the Russian diaspora] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2012. № 2 (18). S. 61–65. (In Russian).
16. Tunimanov V.A. *A. I. Gercen i russkaya obshchestvenno-literaturnaya my'sl' XIX v.* [A. I. Herzen and Russian socio-literary thought of the 19th century.]. SPb.: Nauka: Sankt-Peterburg. izd. firma, 1994. 215 s. (In Russian).
17. Turgenev N.I. *Rossiya i russkie. Pervoe russkoe izdanie* [Russia and Russians. First Russian edition]. M.: Tip. russkogo tovarishhestva, 1907. T. 1. 148 s. (In Russian).
18. *E'migraciya i repatriaciya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia] / V.A. Ioncev, N.M. Lebedeva, M.V. Nazarov, A.V. Okorokov. M.: Popechitel'stvo o nuzhdax ros. repatriantov, 2001. 485 s. URL: <http://www.cisdf.org/TRM/Ioncev/book-1.2.1.html> (data obrashheniya 20.04.2023). (In Russian).